

«Сколько живёт собака?» Цзян Шоуянь, глубоко провалившись в диван в гостиной, смотрел на щенка, который съёжился у тумбы под телевизором и, склонив голову набок, изучал его. В голове, словно заевшая пластинка, крутилась эта мысль, но ответа он найти не мог.

Возможно, чувствуя холодность Цзян Шоуяня, щенок не решался подойти. Он долго смиренно сидел на месте, затем робко вытянул лапку вперёд, но тут же испуганно её отдернул.

Человек и собака молча противостояли друг другу в гостиной, пока из кухни не донёсся звон посуды. Щенок повернулся на звук, но, поскольку был ещё совсем маленьким и плохо держал равновесие, плюхнулся на пол. Перекатившись, малыш, видимо, немного прояснил мысли и сообразил, что кроме ледяной глыбы на диване в доме есть ещё один двуногий, с которым можно поиграть. Он резво подбежал к своей лежанке по другую сторону журнального столика, схватил в зубы игрушку и, мотая головой, затопал в сторону кухни.

Взгляд Цзян Шоуяня, проследив за его маршрутом, остановился на синей лежанке и больше от неё не отрывался. Когда она там оказалась? А ещё клетка, поилка и керамическая миска. Если бы столько вещей стояло в углу с самого начала, Цзян Шоуянь не мог бы этого не заметить. Ведь ещё сегодня днём, перед их уходом, там было пусто. Значит, всё это принесли, пока их не было. Но кто?

С того самого момента, как Цзян Шоуянь переступил порог и встретился взглядом со щенком, в голове у него царил полный хаос. Но вопрос о том, кто тайком принёс щенка и его вещи в их отсутствие, был, пожалуй, самым простым. У Чэн Цзайе в этом городе было не так много знакомых.

Цзян Шоуянь открыл чат с Ци Чжоу в WeChat и коротко написал:

Цзян Шоуянь: Он жил у вас?

Ци Чжоу: Угу.

Цзян Шоуянь: Как давно?

Ци Чжоу: Забрали всего неделю назад. Очень здоровый и активный, хорошо ест, крепко спит и очень ласковый. А что случилось?

Цзян Шоуянь не ответил сразу, потому что почувствовал, как кто-то дёрнул его за штанину. Он опустил голову. Заметив, что на него смотрят, щенок слегка поскрёб лапкой свою игрушку, а затем поднял мордочку и, глядя на Цзян Шоуяня, радостно оскалился в собачьей улыбке. Цзян Шоуянь не шелохнулся, лишь пальцы, сжимавшие телефон, побелели от напряжения.

Из кухни вышел Чэн Цзайе с двумя пиалами танъюаней. Возможно, почуяв вкусный запах, малыш перестал приставать к Цзян Шоуяню и, виляя хвостом, бросился трепать штанину Чэн Цзайе. Тот присел, подхватил щенка под мышки и поднял в воздух.

— Тебе это нельзя.

Малыш беспомощно задрогал лапками. Чэн Цзайе поднял глаза на Цзян Шоуяня и сказал:

— Пора есть.

Щенок тоже повернул голову и посмотрел на него. Цзян Шоуянь опустил ресницы, его взгляд едва заметно скользил между лицом человека и мордочкой собаки. В свете ламп цвет их глаз

казался абсолютно одинаковым.

В танъюани были добавлены сладкое рисовое вино и ягоды годжи. Цзян Шоуянь медленно помешивал их ложкой. Щенок, как любой малыш, был очень активным: носился между кухней и гостиной. Устав, шёл пить воду, а напившись, снова начинал крутиться у ног Цзян Шоуяня и Чэн Цзайе, виляя хвостом.

Почувствовав тёплое, влажное дыхание на лодыжке, Цзян Шоуянь рефлекторно отодвинул ногу и, не чувствуя вкуса, прожевал танъюань. Спустя долгое время он произнёс:

— Верни его.

За столом повисла тишина. Чэн Цзайе не стал его отговаривать, лишь сказал:

— Давай подождём пару дней. Завтра праздник, понадобится время, чтобы найти тех, кто захочет его забрать.

Щенок, не понимая, о чём они говорят, принёс свою игрушку, положил на неё голову и замер между ними, виляя хвостом. Цзян Шоуянь всё это время не отрывал взгляда от своей пиалы. Глаза щипало от горячего пара, а боковым зрением он видел маленький пушистый комочек.

Этот коричневый щенок был совершенно не похож на того рыжего, из детства Цзян Шоуяня. Но, лёжа в постели, он всё равно не мог не вспоминать о нём. Когда Цзян Шоуяню было два года, бабушка принесла щенка от кого-то из знакомых. Их старая собака совсем одряхла, с каждым днём ей становилось хуже, и было ясно, что её дни сочтены. Маленький Цзян Шоуянь ещё не понимал, что такое смерть. Он знал лишь, что большая собака, сидевшая на цепи во дворе, исчезла, а у него появился щенок.

Он был очень рад. Каждый день он тайком отдавал щенку половину своего яйца и молока, а когда ночью просыпался от грома, больше не плакал, а первым делом бежал укрывать своего питомца одеялом.

Гром? За окном вдруг сверкнула молния, за ней последовал глухой раскат грома. Цзян Шоуянь медленно моргнул в темноте и только сейчас осознал, что слышит шум дождя. Когда он начался? Цзян Шоуянь вспомнил, что перед сном развесил бельё. Закрыл ли он дверь на балкон? Не слишком ли тонкая подстилка у щенка? Он ведь ещё такой маленький, вдруг простудится?

Пока эти мысли роились в его голове, он уже осторожно убрал руку Чэн Цзайе и попытался встать с кровати. Чэн Цзайе рефлексивно потянулся вперёд и схватил его за пальцы. Его голос, ещё хриплый со сна, сквозь шум дождя прозвучал почти автоматически:

— Ты куда?

Цзян Шоуянь успокаивающе поцеловал его в висок и тихо ответил:

— Снять бельё.

Неизвестно, расслышал ли Чэн Цзайе, но Цзян Шоуяню пришлось приложить усилие, чтобы разжать его пальцы. Заметив, что Чэн Цзайе нахмурился и вот-вот проснётся по-настоящему, Цзян Шоуянь вложил ему в руку край одеяла и легонько похлопал по спине. Только когда морщинка между бровями Чэн Цзайе разгладилась, Цзян Шоуянь на цыпочках вышел из спальни.

Дверь на балкон была плотно закрыта. Щенок, положив голову на свою игрушку, дрожал в лежанке. Ночь плотной стеной дождя окутала это крошечное пространство. Цзян Шоуянь сидел на корточках у тумбы под телевизором и смотрел на маленький комочек, почти веря, что видит сон. Или это правда? Здесь действительно есть щенок?

Только когда кончики пальцев коснулись пушистого и тёплого, Цзян Шоуянь очнулся от раздумий. Он и сам не заметил, как протянул руку и погладил щенка по голове. Малыш проснулся от прикосновения и лизнул его пальцы. Цзян Шоуянь резко отдернул руку, встал, подошёл к дивану и взял декоративную подушку, которая, если расстегнуть, превращалась в небольшой плед. Он потыкал щенка в попу, выталкивая его из лежанки, постелил туда плед и так же, тычками, загнал его обратно.

Щенок улёгся на плед, а Цзян Шоуянь кутал его со всех сторон, пока тот не стал похож на шарик. Малыш смотрел на него влажными глазами. Цзян Шоуянь поднял ладонь, закрывая себе лицо, и пробормотал:

— Не смотри на меня так...

Щенок ничего не понял, закрыл глаза и уснул. Цзян Шоуянь обернулся и встретился с другой парой влажных глаз. Чэн Цзайе, всё ещё сонный, прислонился к стене и рассеянно смотрел на него. Цзян Шоуянь редко бывал таким растерянным. Он долго шарил по бокам штанов в поисках карманов, которых там не было, затем подошёл и спокойным тоном произнёс:

— Я боялся, что он простудится, и тогда его никто не возьмёт.

— Угу, — Чэн Цзайе сжал кончики его пальцев. — Какие холодные. Почему ты не накинул куртку?

— Забыл, — ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе обнял его за плечи:

— Пойдём спать.

Коридор, ведущий в спальню, был узким, поэтому они шли друг за другом. Как только пальцы Цзян Шоуяня легли на дверную ручку, Чэн Цзайе обнял его со спины. Уткнувшись лицом ему в плечо, он тихо произнёс:

— С Новым годом, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь поднял руку, коснулся его мягких волос и, глядя на тёмное небо за окном, ответил:

— С Новым годом, Чэн Цзайе.

Прошёл день, два, три, неделя после Нового года. Щенка так и не отдали. Он привык к новой обстановке и стал ещё более активным, чем раньше: носился по квартире и ловил хозяев за ноги. Вот только к Цзян Шоуяню приставал редко, потому что тот никогда с ним не играл, вёл себя холодно и отстранённо.

Однако щенок не сдавался: снова и снова приносил свою игрушку и ложился у ног Цзян Шоуяня. Игрушкой был некрасивый плюшевый зверёк, в котором малыш уже успел прогрызть маленькую дырочку. Он в одиночестве терзал игрушку на полу, мотая головой, но при малейшем движении Цзян Шоуяня бросал её, садился и поднимал на него влажный взгляд. Но Цзян Шоуянь ни разу на него не посмотрел. У щенка была простая душа, он ничего не понимал, а знал лишь одно: этот двуногий укрывал его одеялом, значит, он хороший.

Новых игрушек для собаки в доме не появлялось, а желающих забрать её всё не находилось. Цзян Шоуянь не спрашивал, Чэн Цзайе не заводил об этом разговор, дни так и текли один за другим.

Однажды днём, проснувшись после тихого часа, Цзян Шоуянь услышал из коридора, как Чэн Цзайе дрессирует щенка с помощью лакомств. Неизвестно почему, но Цзян Шоуянь не стал выходить и не вернулся в комнату. Прислонившись спиной к стене, он тихо стоял и слушал.

— Дай лапу... Хороший мальчик... Голос! Сидеть! Покрутись... Молодец!

Голос Чэн Цзайе звучал весело, и Цзян Шоуянь словно наяву видел эту гармоничную и тёплую картину: человек и собака в гостиной. Он бессознательно поднял руку и прижал её к груди. А затем услышал слова Чэн Цзайе:

— Ты должен быть послушным, понимаешь? Не будь слишком озорным и почаще приставай к своему второму папе, чтобы он с тобой поиграл. Почему ты смотришь на меня таким взглядом? Думаешь, твой второй папа слишком холоден с тобой? — Чэн Цзайе поднял щенка на уровень глаз и совершенно серьёзно сказал: — На самом деле он совсем не холодный. У него очень мягкое сердце, просто нужно постучаться в него подольше, и оно откроется.

Неизвестно, понял ли щенок хоть слово, он лишь сморщил нос, задрывал в воздухе короткими лапками и несколько раз звонко тявкнул. Чэн Цзайе зажал ему пасть и тихо сказал:

— Папа ещё спит, нельзя так громко лаять.

В коридоре стояла тишина. Цзян Шоуянь, кусая тыльную сторону ладони, беззвучно рыдал.

<http://bllate.org/book/14908/1713721>